

Время было позднее, и Го Пин, не желая лишний раз беспокоить того самого мастера-постояльца, решил откланяться. Он планировал вернуться домой, а завтра с утра снова явиться в усадьбу и принести извинения за беспокойство.

Го Пин отправился к себе, а Фу Сиянь и братья Чжоу поспешили обратно в гостиницу.

У самого входа они столкнулись с тем самым работником, который давеча предупреждал их о голубином помете в похлебке. Завидев троицу, парень так и расцвел:

— Как же вовремя вы вернулись! Только что вас искали, буквально на шаг разминулись.

Братья Чжоу первым делом подумали на Чжан Дашаня, но Фу Сиянь почуял неладное. Он ведь велел работнику присматривать за сотником, и если бы это был он, тот бы так и сказал: «Тот голубятник приходил».

Судя по описанию — «внешность благообразная, а нутро гнилое», — незваным гостем оказался...

Чу Шаоян?!

Юноша невольно схватился за грудь. В детской игре «коршун и цыплята» коршун только что спикировал совсем рядом — сердце забилось так часто, что, казалось, вот-вот случится приступ.

Чжунсинь осторожно огляделся по сторонам, а Гэнгэн нетерпеливо спросил:

— И что он хотел?

— Спрашивал, где вы. Вы же из номера выписались? Вот я и подумал, что вы насовсем ушли, ну и сказал как есть. После этого он отправился в гостиницу семьи Люй, — парень замялся, чувствуя вину. Из-за того, что он не удержал постояльцев, хозяин его знатно отчитал.

Однако Сиянь узрел в этом малом настоящую путеводную звезду. Он тут же выхватил горсть серебра и вручил вестнику, мгновенно разогнав все тучи в его душе.

Чу Шаоян пришел с дурными намерениями, это ясно как день. Задерживаться здесь было нельзя.

Фу Сиянь велел своим спутникам немедленно уходить. Напоследок он сунул работнику еще денег за молчание, чтобы тот «забыл» об их возвращении. Пробегая мимо торговых рядов, они в спешке скупали всё, что попало под руку.

Привратник усадьбы Ивового Дерева, увидев их с тюками и узлами, решил, что они просто

ходили за вещами, и не стал задавать лишних вопросов.

Вернись в комнату, братья принялись разбирать покупки, с любопытством поглядывая на их количество.

— Опыт подсказывает, — наставительно произнес Фу Сиянь, — что в период изоляции запасы лишними не бывают.

— Изоляции от чего? — не понял Гэнгэн.

Сиянь сердито скрипнул зубами:

— От «чумы» по фамилии Чу.

Он уже в сто первый раз проклинал тот миг, когда сдуру согласился на поединок с этим типом. Знай он заранее, что Чу Шаоян окажется таким ядовитым и приставучим, он бы его на божницу поставил да благовония зажигал, лишь бы Будда поскорее забрал это чудо к себе.

Но локти кусать поздно: впереди волки, позади тигры. Оставалось только идти вперед, глядя под ноги.

Ночь обещала быть долгой, и, чтобы хоть как-то занять время, они заварили чай, достали сладости и принялись за разговоры. Вдоволь обругав и Чу Гуана, и Чу Шаояна, и Чжан Дашаня за их скотское поведение, троица снова вернулась к таинственным исчезновениям в усадьбе.

Сиянь принялся рассуждать:

— Кормилица с семьей пропали по дороге на свадьбу. Охранники сгнули, когда отправились на поиски. Постоялец исчез, стоило ему покинуть ворота. Даже старик-закупщик, которого подозревают в краже... Скорее всего, он тоже пропал, когда пошел за припасами. Вывод напрашивается сам собой: сейчас за воротами опаснее, чем внутри.

Братья вспомнили свой короткий вояж до гостиницы и мысленно возблагодарили небеса за удачу.

Было и еще кое-что, о чем Сиянь умолчал: если бы их убили сразу после выхода из усадьбы, Чжан Дашаню и Чу Шаояну даже не пришлось бы замечать следы — свалили бы всё на «проклятие» поместья. Из двух зол юноша выбирал меньшее: явный враг, жаждущий твоей жизни, пугал его куда больше, чем призрачная угроза усадьбы.

— Давайте предположим, — продолжил он. — Допустим, эти исчезновения — дело рук человеческих. Назовем преступника «Икс». Какова его цель? Мечь, нажива или, может, устранение конкурентов?

Братья Чжоу согласно закивали.

— Если это мечь, то похищения — лишь прелюдия. Когда в усадьбе воцарится паника,

возможны два исхода. Первый: если силы Икса превосходят силы хозяев, он нанесет последний, смертельный удар. Второй: если он слабее, то, скорее всего, довольствуется малым и затаится, чтобы нагряться позже.

В головах братьев всё немного перемешалось, но логика молодого господина казалась им неоспоримой. Фу Сиянь же, почуяв вкус к разгадыванию задачек, разошелся не на шутку:

— Если цель — деньги, то скоро пришлют письмо с требованием выкупа. Усадьба может либо заплатить, купив временный покой, но нажив себе проблем в будущем, либо попытаться изловить наглеца. В первом случае это риск остаться без гроша, во втором — рискнуть жизнями похищенных. У каждого пути свои плюсы и минусы.

Братья кивали так часто, что едва не заработали растяжение шейных мышц. Им очень хотелось позвать Владыку усадьбы, чтобы тот тоже послушал эти мудрые речи.

— А вот если это конкуренция... — Сиянь задумался о специфике деятельности поместья. — Неужто за всем этим стоит какой-нибудь Сон Цзян? Звучит так, будто в усадьбе совсем не заботятся о пожарной безопасности.

Чжунсинь и Гэнгэн переглянулись. Они искренне сокрушались из-за своего скудного образования, которое не позволяло им уловить полет мысли хозяина. Гэнгэн терпел долго, но в конце концов не выдержал:

— Послушайте, а кто такой этот Икс и почему он хочет всех похитить? И кто такой Сон Цзян, почему он равен этому Иксу? И вообще, стоит ли нам рассказать Владыке усадьбы про Икса и Сона?

«...»

Фу Сиянь выдавил из себя кривую усмешку:

— Не знаю, изведет ли кого-нибудь этот Икс, но ты меня точно в могилу сведешь.

Гэнгэн благоразумно прикусил язык.

***

Они проболтали обо всем на свете до самого рассвета и улеглись только после настойчивых уговоров Чжунсиня.

Сиянь, ворочаясь в постели, предавался ностальгии. Ему вспоминались студенческие годы: как он обмахивался веером, как они с соседями по комнате клялись в вечной верности и обещали никогда не стучать профессорам... Сон сморил его лишь под утро. Ему как раз грезилось, будто сосед купил мороженое, которое на деле оказалось кирпичом на палочке, как вдруг его разбудил тихий скрип двери.

Протерев глаза, Сиянь сел на кровати. Это пришел Го Пин.

Тот как раз собирался найти знакомого мастера, чтобы предупредить об уходе, но привратник ошарашил его известием: мол, твои друзья со вчерашнего вечера обретаются здесь. Го Пин тут же бросился их искать.

Объясняя причину своего возвращения, Фу Сиянь произнес с пафосом:

— Отступить без боя — не в наших правилах!

Го Пин не стал допытываться — не хотят говорить, и не надо. Он лишь деловито осведомился, будет ли господин лечиться.

— Раз уж мы здесь, — вздохнул Сиянь.

Из-за переполоха в усадьбе мастер-постоялец был совершенно свободен и явился по первому зову. Целую минуту он сосредоточенно щупал пульс, после чего извлек внушительный набор медицинских принадлежностей.

Юноша, послушно растянувшись на тахте, с горечью осознал: сколько ни бегай, а от судьбы в виде банок не уйдешь.

Он снова провалился в дремоту, пока не почувствовал какую-то возню на своей спине. Открыв глаза, он услышал шепот Го Пина:

— Неужели холод совсем не выходит?

— Холод-то застарелый, — невозмутимо отозвался мастер. — Разве его так быстро вытравишь?

Сиянь попытался вывернуть шею, чтобы взглянуть на собственную спину, но тщетно — мешали лишние слои «брони».

Когда Го Пин вышел проводить коллегу, Гэнгэн тут же завел свою шарманку:

— Тоже мне, лекарь! Даже банки ставить не умеет. Мурыжил столько времени, а на коже — ни единого следа.

Чжунсинь согласно кивнул. Сиянь и сам знал, что тело его устроено как-то по-особенному, и не мог с уверенностью сказать: то ли мастер попался неумелый, то ли он сам такой «непробиваемый».

Ближе к полудню Го Пин вернулся, неся в руках корзину с едой и лекарства.

Несмотря на кризис, кормили в усадьбе по-прежнему на убой. Го Пин пристроился обедать вместе с ними и заодно поделился свежими сплетнями:

— Говорят, помимо людей из усадьбы, в городке пропали еще двое.

Заметив, что собеседник увлеченно размахивает палочками, разбрызгивая соус, Сиянь тут же скомандовал:

— Так, едим отдельно!

Столик был крошечным, поэтому они быстро распределили порции. Пострадавшие от красноречия Го Пина бобы достались ему самому, а остальные разошлись по углам, пристроившись на корточках.

Го Пин утер губы и продолжил:

— Те двое пропали даже на день раньше, чем старик-закупщик. Один из них — местный заправила, а другой — тот, кто всегда всё про всех знает.

— В какой день это было? — вскользь поинтересовался Сиянь.

Услышав дату, он замер. Это же... на второй день после их прибытия в город?

Внезапно во дворе послышались шаги. Вскоре на дверной бумаге проступили силуэты нескольких человек, и раздался стук:

— Здесь ли трое доблестных защитников?

Из-за двери Сиянь расслышал лишь окончание фразы. Он вскочил, вытаращив глаза:

— Защитник 360?

Человек снаружи тоже не разобрал ответа:

— Здесь ли гвардейцы?

«Даже после перемещения в другой мир за мной пришел антивирус? Такая одержимость может быть только у...»

Сиянь отставил миску и в волнении распахнул дверь:

— Вы ведь... не господин ли Чжоу?

В порыве чувств он напрочь забыл про всякие пароли вроде «Олимпиады в Пекине».

— Скажите, когда вы уходили, кто из звезд наделал шуму своим разводом?

Незнакомец опешил. Он перевел взгляд на остальных троих, которые, забившись по углам, сосредоточенно уплетали обед, и нахмурился. После чего чинно сложил руки в приветствии:

— Моя фамилия Тан. Я здешний капитан стражи.

Весь пыл Фу Сияня мгновенно угас.

— Так вы не искали за, за...

— Трех гвардейцев?

Юноша мгновенно взял себя в руки и повернулся обратно к столу:

— А, ясно. Ошиблись дверью.

Капитан Тан в замешательстве поднял бровь:

— Разве вы трое — не из Цзиньивэй?

— Ну, раз вы так настаиваете, — бросил через плечо Сиянь, — то будем считать, что да.

Капитан Тан и его люди: «...»

Офицер кашлянул, призывая подчиненных сохранять невозмутимость, и обратился к Сияню:

— Я прибыл по поручению Владыки усадьбы Тан. Он просит вашей помощи в одном деле. Владыка уже велел накрыть стол и просит вас оказать ему честь своим присутствием.

Сиянь посмотрел на свою миску — выбрасывать еду было жалко. Но, рассудив, что им здесь еще какое-то время жить, он предложил компромисс:

— Хорошо. А можно мы со своим придем?

Капитан Тан покосился на остатки обеда в руках юноши и на миг лишился дара речи.

Го Пин остался в комнате под предлогом того, что ему нужно присмотреть за отваром.

Фу Сиянь и его спутники, не выпуская мисок из рук, последовали за капитаном. Лишь теперь они в полной мере осознали, насколько огромна усадьба Ивового Дерева. Дворы и переходы тянулись бесконечной чередой, а размах построек затмевал даже графское поместье. Сразу видно: только цены на землю ограничивают площадь будущих достопримечательностей Сианя!

Чтобы как-то развеять неловкое молчание, капитан Тан принялся рассказывать об усадьбе:

— Добрую половину этого поместья наш Владыка отстроил заново лет десять назад.

Сиянь был потрясен. Неужто на «благородстве и помощи ближним» можно так знатно заработать?!

Чжунсинь, обладавший острым умом, спросил:

— Вы, капитан Тан, водите близкое знакомство с хозяином усадьбы?

— Владыка Тан — двоюродный дядя нашего капитана! — с гордостью вставил один из стражников.

Братья Чжоу, привыкшие служить в графском доме, не понимали, чем тут можно гордиться, но Фу Сиянь, будучи в прошлой жизни обычным человеком, прекрасно знал это чувство тщеславия от родства с «большим человеком». Он тут же рассыпался в любезностях, заверяя всех в своем глубочайшем почтении.

Капитан Тан заметно повеселел.

Владыка усадьбы устроил прием в беседке, со всех сторон окруженной водой. Попасть туда можно было только по единственному мосту.

У самого моста Чжунсинь вдруг замедлил шаг. Гэнгэн громко объявил, что ему нужно «отлучиться по нужде», и капитан Тан велел одному из стражников проводить его. Остальные продолжили путь к беседке.

В конце длинного моста возвышался изящный павильон.

Над входом красовалась надпись: «Чистая совесть», а по бокам висели парные надписи:

«Слава и богатство — лишь дым, что вмиг растает»,

«Милосердие и добро — вечный след в сердцах людей».

<http://bllate.org/book/15317/1354480>